

Том XXXII, № 1, 1999

Бюллетень
**по авторскому
праву**

**Авторское право и
глобальная информационная
инфраструктура**

Киберпространство как сфера обитания права*

М. А. Федотов**

Появление информационных магистралей революционизировало те естественные процессы старения и обновления, которые вяло протекали в сфере авторского права. Не претендуя на полноту периодизации, рискну заметить, что авторское право уже переживало подобные потрясения в XVIII—XIX вв. и позднее, в середине нынешнего столетия — в связи с появлением радиовещания, кинематографии, телевидения, а затем — в связи с развитием техники копирования (репрографического репродуцирования). И все же главная идея, лежащая в основе авторского права и составляющая его суть, сохранилась и по сей день практически в неизменном виде. Это идея контроля за использованием произведений на основе исключительности авторских прав, что способно приносить доход творцу и его семье, стимулируя тем самым его творчество.

Здесь наиболее явственно соединяются две стороны творчества — идеальная, движимая вдохновением и честолюбием, и материальная, подчиняющаяся меркантильным соображениям. Первой более соответствуют личные неимущественные права автора, второй — имущественные. Еще в древности литературные гонорары были в ходу наряду с почестями, оказываемыми выдающимся творцам. Так, древнегреческий поэт Пиндар (V в. до н.э.) получил крупное вознаграждение за одну воинственную песню. Великий Гораций (I в. до н.э.) не считал за обиду получить от Мecenата имение в награду за стихи. Однако то были скорее премии, нежели авторское вознаграждение в его современном понимании.

Именно «в необходимости материального обеспечения автора, в устранении для него необходимости изыскания источников существования, в обеспечении независимого положения в обществе» получает свое социально-экономическое обоснование авторское право, узаконивая одну из тех «немногочисленных монополий, которые не могут возбудить общественного недовольства ввиду безусловной их необходимости и справедливости»¹. Более чем через 100 лет мы встречаем проникнутые теми же идеями формулировки в Договоре ВОИС по авторскому праву, принятом Дипломатической конференцией 20 декабря 1996 г. Здесь не только выражается стремление государств-участников наиболее эффективно и единообразно совершенствовать и поддерживать охрану прав авторов на их произведения, но и подчеркивается огромная важность авторско-правовой охраны как «стимула для литературного и художественного творчества» (Преамбула). При этом какие-либо ограничения или исключения

* *Copyright Bulletin*, Vol. XXXII, No. 2, 1998

** Автор — доктор юридических наук, профессор, в 1993—1998 гг. посол, Постоянный представитель РФ при ЮНЕСКО.

из предусмотренных в Бернской конвенции и упомянутом Договоре прав считаются допустимыми лишь в определенных особых случаях, причем только такие, «которые не наносят ущерба нормальному использованию произведения и необоснованным образом не ущемляют законные интересы автора».

Иными словами, автор и его интересы, уравновешенные интересами общества, сохранились в качестве ядра всей системы авторского права. Надолго ли? Нет ли опасности того, что то глубокое влияние, которое оказывают новые информационные и коммуникационные технологии на создание и использование литературных и художественных произведений и которое в значительной степени вызвало к жизни Договор ВОИС по авторскому праву, достаточно быстро состарит сам этот международно-правовой документ? И тогда снова, в который уже раз за последнее время во весь рост встанет вопрос: нужно ли приспособлять авторское право к очередному техническому новшеству (хотя многие новейшие технологии являются нейтральными с точки зрения авторского права) или оно, право, само адаптируется к новым реалиям естественным путем — через правоприменительную практику, доктринальные толкования и т.д.? Действительно, адаптационные ресурсы авторского права весьма велики, что подтверждено неизменностью его принципиальных основ на протяжении веков. Однако сегодня оно, достаточно статичное по своей природе, довольно медленно и дискретно эволюционирующее, сталкивается с ускоряющимся развитием технологий, оперирующих в виртуальной реальности киберпространства. По сути «информационное общество» представляет собой новую сферу обитания человека, и в первую очередь — его разума, а в идеале — его творчества. Мы видим, как на просторах киберпространства зарождается принципиально новый субъект истории — планетарный интеллект. Но сможет ли в этой совершенно неузнаваемой среде авторское право и дальше сохранять свою индивидуальность (identity) или ему на смену должна будет прийти принципиально иная схема правового регулирования, может быть уже зарождающаяся ныне в недрах так называемого компьютерного права?² Трудно себе представить, что правовая система, стимулирующая творчество, исчезла бы совсем, ибо это имело бы катастрофические последствия для интеллектуального потенциала нынешнего и будущих поколений.

Киберпространство — это не просто сфера действия Интернет и других подобных локальных, региональных и глобальных сетей. Еще не обретя общепризнанного юридического определения, оно уже до краев наполнено правовыми отношениями практически из всех классических отраслей права, не говоря уже о новейших — информационного, экологического и т.д. В Договоре ВОИС по авторскому праву киберпространство определено имплицитно, через понятие «такого образа» сообщения произведений для всеобщего сведения по проводам или средствами беспроводной связи, при котором представители публики могут осуществлять доступ к произведениям «из любого места и в любое время по их собственному выбору» (ст. 8).

Налицо юридическая головоломка. Мы находимся в эпицентре коммуникационной революции, которая с неизбежностью ведет к радикальным подвижкам в менталитете, к преобразованию организационных структур, характера человеческой деятельности и образа жизни. В особенности это касается трансформации отношений внутри государства и гражданского общества. Но ни население, ни социальные институты, ни значительная часть делового мира

к новым технологиям по-настоящему не готовы. Главное, правовой инструментарий, призванный регулировать отношения в киберпространстве, либо недостаточно приспособлен к этим условиям, либо вообще не разработан.

Уже накоплен достаточный опыт использования сетей для реализации государственно-правовых норм, отвечающих современным представлениям о демократии: контроля за выборами, информирования о работе правительственных учреждений, опроса общественного мнения, реализации свободы информации и свободы выражения. Делаются первые шаги к безбумажному обществу и правительству. Так, в США интерактивная система *Florida* ведает вопросами безопасности для детей. Недалек тот день, когда люди повсеместно будут иметь возможность воспользоваться сетью Интернет или локальными сетями, чтобы зарегистрировать автомобиль, изменить домашний адрес в водительских правах, изучить операции по продаже недвижимости в своем городе или округе и т.д.

По мере улучшения программного обеспечения становится возможным получать через сети ответы на все более широкий спектр вопросов — от местных правил пользования дровяными каминами до нахождения магазинов, замеченных в нарушениях требований к качеству товаров, и в то же время обращаться к властям через правительственные информационные системы — с жалобой, запросом или анкетой для поступления на работу. Тем самым информационное взаимодействие налогоплательщика с правительством и парламентом может стать более регулярным, системным и эффективным. Почему нет? В итоге это будет означать: укрепление общественных институтов и демократических ценностей; увеличение числа информационных каналов, доступных гражданину, а следовательно, повышение уровня плюрализма и транспарентности; рост числа рабочих мест за счет домашнего труда и, как результат, повышение экономической активности и общественного благосостояния в целом.

Наиболее широко в киберпространстве представлена сфера гражданского права и связанных с ним областей. Именно посредством сетевой коммуникации заключаются ныне многие гражданско-правовые сделки, прежде всего купли—продажи, поставок, переводов, подряда. Так, «сеть по продаже», *Vendornet*, в Висконсине, США, содержит достаточно подробные сведения о правительственных контрактах и заявках на закупки, что позволяет бизнесменам заключать сделки в реальном масштабе времени. При правильном использовании сетей можно избежать долгих очередей в офисах или нескончаемого ожидания ответа на информационный запрос по телефону.

Причем, по прогнозам специалистов, развитие глобальных сетей в ближайшее время будет идти во все ускоряющемся темпе. К тому объективно подталкивают сложившиеся экономические реалии. Например, 10% ВВП США вырабатывается телекоммуникационными системами. По мере распространения информационных технологий внутри общества увеличивается прямая зависимость уровня жизни от состояния и качества телекоммуникаций, потребителями которых являются не только правительственные учреждения, индустрия и сфера услуг, но и рядовые налогоплательщики.

Ярким примером глобальной информатизации является Интернет, всемирная компьютерная сеть, созданная на основе телекоммуникационных стандартов, разработанных в свое время Пентагоном для военных целей. Она, как и все киберпространство, зиждется на трех китах: цифровой технологии, позволяющей переводить любую информацию на язык бинарного кода и таким образом

уравнивающей фонограмму и телепередачу, кинофильм и фотографию, графику и текст; высокоскоростных линиях связи, позволяющих одновременно передавать миллионы сообщений по одному волоску кабельного пучка; и компьютерной технике, последовательное снижение стоимости которой способствовало ее широкому распространению. Новое поколение — сетевой компьютер, лишенный хард-диска³, сложных программ и технических принадлежностей, обеспечивающий доступ к сети благодаря терминалу и модему, сравнительно простой в эксплуатации и, главное, недорогой, — призвано довершить превращение ЭВМ в предмет домашнего обихода.

Но — стоимость услуг связи. Но — плата за пользование информационными ресурсами, за распространение, прокат и сообщение для всеобщего сведения произведений, защищенных авторским правом, и т.д. Иными словами, главный доход в киберпространстве дает не постройка кораблей для плавания по информационному океану, а продажа билетов на круизы и чартеры, сборы за проход через проливы, за стоянку в порту. Таким образом, насос перекачки ресурсов в пользу стран — экспортеров интеллектуальной собственности включается на полную мощность, так как платным становится не только всякий «выезд» на информационные магистрали, но даже беглый просмотр произведения, чтобы определить, нужно оно тебе или нет. Это почти то же самое, как заставлять человека, листавшего книгу в магазине, оплачивать ее покупку. Единственный способ избежать экономической удавки под видом охраны авторских прав — это активно использовать в национальном законодательстве систему ограничений авторских прав в интересах науки и образования, допускаемых Бернской конвенцией, Всемирной конвенцией об авторском праве и имплицитно присутствующих в ст. 10 Договора ВОИС по авторскому праву.

Киберпространству принадлежит большое будущее. Если сегодня телефонная связь на 99% состоит из устных сообщений и лишь 1% составляют данные, то уже в начале третьего тысячелетия данные получат большее распространение, чем голос. По некоторым прогнозам, количество пользователей Интернет в мире вырастет с 30 млн в 1997 г. до 300 млн человек к 2006 г. При этом на несколько порядков возрастут требования пользователей к скорости передачи данных, поскольку уже сейчас начинают применяться программные приложения, требующие большого объема информации, включая музыку и движущиеся цветные изображения.

Радужные перспективы киберпространства породили новый всплеск концентрации капитала в информационной отрасли. Массированные слияния ведут к образованию транснациональных корпораций, на информационных магистралях возникает институт провайдеров, своего рода «швейцаров-вышибал», открывающих или закрывающих доступ к информационным сетям. Все это говорит о принципиальной реальности такой ситуации, когда контроль за телекоммуникациями на национальном уровне будет осуществляться из-за пределов ее территории, что может затруднить сохранение самобытности культурной и общественной жизни данной нации, усилить процессы формирования моноязычия и монокультуры. Вот почему столь важны усилия в защиту информационного, языкового и культурного плюрализма, в пользу антимонопольных мер, ограничивающих концентрацию информационно-коммуникационных ресурсов в одних руках.

Но мощная телекоммуникационная сеть в одно мгновение может превратиться в разрозненный набор непригодного периферийного оборудования в

результате террористического акта или действия компьютерного злоумышленника. Только за 1996 г. американские телекоммуникационные компании понесли убытки в сотни миллионов долларов по вине хакеров, которые подключались через Интернет к виртуальным магазинам и киоскам с помощью поддельных кредитных карточек. В результате сегодня многие компании помещают на своих гипертекстовых страницах в Интернет предупреждения о запрете на подключение из России и стран СНГ.

В сетях совершаются и многомиллионные хищения с помощью взлома банковских компьютерных ходов, и диверсии, нарушающие функционирование информационных систем министерств и ведомств, ведется вербовка и подготовка террористов (как иначе понимать распространение методических указаний по изготовлению самодельной взрывчатки?) и т.д. Из всего этого разнообразия складывается компьютерная преступность. О серьезности положения говорит тот факт, что в новый российский Уголовный кодекс 1996 г. включена специальная глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Тем самым законодатель ясно дает понять, что число составов преступления в данной сфере может со временем увеличиться. Напротив, посягательствам на авторские и смежные права посвящена лишь одна статья (ст. 146).

Хищения информационных ресурсов из банков данных и систем телекоммуникации наносят огромный экономический ущерб и, что не менее опасно, моральный вред. Особую опасность представляет вандализм хакеров — ложно понимаемое самоутверждение программистов приводит к использованию компьютерных сетей в интересах международного терроризма и организованной преступности. В свою очередь, слабая защищенность субъекта информационно-компьютерного взаимодействия от преступных посягательств формирует негативное отношение к виртуальной реальности, проецируемое на реальную действительность.

В киберпространстве можно встретить и материалы, распространение которых оскорбляет достоинство человека, разжигает национальную рознь и нетерпимость, посягает на добрые нравы и здоровье населения. В некоторых странах пытаются бороться с этим путем отключения от определенных услуг. Так, французская еврейская студенческая организация потребовала привлечь к суду французских операторов Интернет за то, что они сделали общедоступными пропагандистские материалы, отрицавшие Холокост. Другой пример: базирующийся в Париже Американский университет был привлечен к ответственности за то, что нарушил национальные права использования иностранных языков, поместив в Интернет чисто английскую страничку без ее резюме на французском.

Однако ввиду того, что любое ограничение распространения информации влияет на одно из фундаментальных прав человека, законодателям и правоприменителям приходится решать непростую задачу. Сложным препятствием для международного регулирования этих вопросов является, в частности, неодинаковое понимание общественной нравственности в разных национальных и культурных сообществах.

Конечно, единственная сторона существует только у «ленты Мёбиуса»⁴: в киберпространстве, напротив, есть и добро, и зло, здесь рождаются как новые вызовы, так и ответы на них. Вот почему с полным основанием можно назвать Интернет и информационной сокровищницей, и информационной свалкой. Римский клуб, собравшийся в октябре 1997 г. для обсуждения роли новых ин-

формационных и коммуникационных технологий, охарактеризовал их как катализатор социальной перестройки, вынуждающий человечество адаптироваться к новым отношениям во времени и пространстве. Такие коренные преобразования требуют осмысленного использования новых средств информации и информационных инструментов. Глобальная доступность информации и транспарентность должны стать в ближайшие годы необходимым условием совместного творчества и солидарности. Гуманистические и научные аспекты такой перспективы должны быть приведены к общему знаменателю, с тем чтобы данные условия оказались выполнены. Позитивное воздействие новых информационных технологий и средств информации может быть усилено, а их негативные последствия ослаблены благодаря демократии участия, сознательному отношению к порождаемой ими ответственности, правам и обязанностям, развитию творческого потенциала всех людей.

Самое опасное — то, что новые информационные и коммуникационные технологии могут еще более увеличить разрыв между бедными и богатыми. Бедные страны рискуют стать еще беднее: не будучи включенными в мировые коммуникационные сети, они могут оказаться исключенными из глобального процесса развития цивилизации. Существует опасность того, что они окажутся еще более отверженными, чем герои одноименного романа Виктора Гюго.

Информационные магистрали действительно подобны скоростным автодорогам, рассекающим страны и континенты. Но есть еще жители маленьких городов и сел, мимо которых день и ночь несутся шикарные лимузины, а они лишены возможности выехать на эти супермагистрали. Да и на чем выехать? На телеге? Вот почему столь важен поддержанный 29-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО (октябрь—ноябрь 1997 г.) принцип «информация — для всех». Он свидетельствует о готовности мирового интеллектуального сообщества совместными усилиями предотвратить опасность коммуникационной маргинализации, с тем чтобы компьютерные технологии вели все человечество к новому Ренессансу.

Да, черты формирующегося информационного общества окрашены в контрастные тона, и этико-правовая составляющая компьютеризации занимает в этой картине центральное место. Но мировое сообщество не должно допустить, чтобы киберпространство оказалось по ту сторону добра и зла. И главное здесь — объединение усилий для эффективного решения этических проблем в плоскости саморегулирования (инфоэтика) и создание нового международного и национального правового инструментария (инфоправо). Первые шаги в этом направлении были сделаны в России еще тридцать лет назад, когда 27 мая 1966 г. был принят Национальный кодекс деятельности в области информатики и телекоммуникации. Подписавшие кодекс российские организации и фирмы приняли на себя обязательства не нарушать охрану интеллектуальной собственности и тайну передачи сообщений, не практиковать вскрытие информационных систем, не извлекать прибыль из использования чужого товарного знака и т.д.

Сравнивая правовые отношения, существующие в повседневной жизни и составляющие «живое право», с теми, что складываются в киберпространстве, можно заметить черты как сходства, так и различия. С одной стороны, проблемы, порождаемые информационными и коммуникационными технологиями, не более чем новое обличье старых проблем: воровство, вандализм, плагиат,

«пиратство» в отношении интеллектуальной собственности, уклонение от выплаты авторского вознаграждения и т.д. С другой стороны, легкость, «домашность» деликта, совершаемого в мягких тапочках перед экраном персонального компьютера, создают обманчивое ощущение невинной шутки и полной защищенности.

Кроме того, деликты в киберпространстве могут быть связаны с неопытностью, функциональной неподготовленностью «кибернавта». Так, к журналистам присоединились ныне тысячи других участников информационного взаимодействия, многие из которых не имеют ни малейшего представления о традициях и нормах журналистской этики, строящейся на идее общественного служения, профессионального долга и социальной ответственности. Они, например, загружают в Интернет скрытно сделанную фотографию знаменитости, с которой случайно встретились на пляже, даже не задумываясь о том, что вторгаются в частную жизнь. Не заботясь о последствиях, они производят компьютерный фотомонтаж. Некоторые журналистские организации уже призывают к помещению на распространяемых фотографиях специальной маркировки в тех случаях, когда они подвергаются цифровой обработке.

Попутно замечу, что все возрастающая — в процессе нашей трансформации в информационное общество — беззащитность сферы частной жизни перед угрозой информационных вторжений вызвала к жизни весьма радикальные предложения со стороны ряда европейских юристов. В частности, известный французский адвокат Жорж Кейма, выступая на семинаре Совета Европы в декабре 1997 г., предложил законодательно установить «срок приличия», в течение которого наследники могли бы обращаться с требованиями о запрете распространения произведений, затрагивающих частную жизнь покойного. Аналогия с авторским правом, действующим и после смерти автора, думаю, очевидна. Продолжая линию своего коллеги на сближение права на частную жизнь с авторским правом, Франсуа Стефанагги высказал идею установления уголовной ответственности за вторжение в частную жизнь.

Что же касается деликтов в сфере авторско-правовых отношений, то в киберпространстве их очертания в значительной степени смазываются. Во-первых, трудноразличимым становится субъект, особенно если он оперирует из рядового Интернет-кафе или другого места общественного пользования.

Во-вторых, правонарушение в виртуальном мире длительное время может оставаться незамеченным, поскольку совершается оно в режиме «on-line», а никакого мониторинга за правовым порядком в киберсреде пока не ведется. Да и возможен ли он, учитывая масштабы сетей и темпы их развития?

В-третьих, не имеющее специальной защиты произведение, будучи единожды загруженным в киберпространство, становится легкой добычей всякого, кто пожелает его воспроизвести, скопировать, использовать в компиляции, изменить, наконец, с целью повредить репутации автора. И как исправить причиненное зло, если подделка успела широко распространиться по сети?

В-четвертых, опасную шутку играет с авторским правом пресловутая интерактивность — результат качественно новой степени взаимодействия потребителя-пользователя с произведением. Приглашая «кибернавта» к самостоятельным действиям в рамках произведения мультимедиа, она объективно формирует в его сознании представление о допустимости вторжения в авторское произведение.

Например, компьютерная игра "Mon théâtre magique" приглашает пользователя самостоятельно сделать анимационный фильм с помощью движущихся и озвученных изображений людей, животных, растений и т.д. Если сама эта мультимедийная игра является экземпляром произведения, то создаваемые с ее помощью квазифильмы обладают всеми чертами произведений. Причем они могут интерпретироваться как производные, но, будучи сохраненными в игровом файле, они уже становятся частью экземпляра исходного произведения, который в свою очередь утрачивает идентичность с оригиналом, переставая быть копией. Нечто подобное делают дети с книжками-раскрасками, когда закрашивают предложенные контуры. Но принципиальные отличия в том, что потом эти детские картинки можно найти разве что в архивах чадолюбивых родителей, а не в киберпространстве — в качестве произведений, на которые может автоматически распространяться авторское право.

Итак, границы между творчеством и интерпретацией ранее заложенных данных становятся все более размытыми. Ясно, что говорить о появлении объекта авторского права в результате взаимодействия человека с компьютером правомерно лишь в том случае, если деятельность «кибернавта» была творческой и имела целью именно создание произведения. Но в виртуальном мире, особенно при коллективном взаимодействии, возможно и спонтанное творчество. Здесь нередки и так называемые случайные произведения, сформировавшиеся, например, в результате ошибки пользователя либо работы какого-либо периферийного устройства или программного продукта. Может ли разработчик компьютерной программы претендовать на соавторство в таком произведении или права должны признаваться только за пользователем? В то же время можно ли считать автором пользователя, который лишь поставил перед компьютером задачу создания произведения?

Логика требует, чтобы мы обусловили положительный ответ на последний вопрос наличием некоего творческого начала в постановке задачи пользователем. Например, «кибернавт» при формулировании задачи может задать алгоритм ее выполнения или сформулировать главную идею будущего произведения. Творческий характер подобных действий несомненен, как несомненно и то, что все действующие конвенции выводят охрану идей, процессов, алгоритмов и т.п. за рамки авторского права. Следовательно, природа творчества в киберпространстве заставляет нас вновь вернуться к далеко не новому вопросу, своего рода «квадратуре круга» интеллектуальной собственности — о правовой защите идей.

Революционизируя способы создания, распространения и использования произведений, новые информационные и коммуникационные технологии объективно подталкивают мировое сообщество ко все более и более глубокой ревизии устоев общепризнанной авторско-правовой доктрины. Весьма символично появление в Договоре ВОИС по авторскому праву 1996 г. норм, касающихся используемых авторами технических средств (ст. 11) и обязательств государств-участников в отношении информации об управлении правами (ст. 12). Принципиальное значение имеет истолкование электронной информации об управлении правами как сведений, которые идентифицируют произведение, автора произведения, обладателя какого-либо права на произведение или содержат информацию об условиях его использования.

Это уже предельно близко к регистрации произведений — институту, глубоко чуждому духу и букве Бернской доктрины. Но только в данном случае

функцию регистрации берет на себя не государство, а ассоциации авторов, которые, естественно, будут сами решать, что заслуживает быть признанным в качестве произведения, а что нет. Таким образом, не исключено появление новой разновидности цензуры. Кроме того, легализация практики, когда электронная информация об управлении правами обязательно появляется на экране компьютера в связи с сообщением произведения для всеобщего сведения, на деле означает, что произведение, не снабженное такой информацией, *de facto* оказывается в общественном достоянии.

Но уж больно велики ставки в этой игре, чтобы обращать внимание на подобные «мелочи». Международная конфедерация авторских сообществ (CISAC) сообщила недавно, что входящие в нее общества ежегодно собирают и выплачивают авторам порядка 25 млрд долл. США. Причем речь идет только о тех средствах, которые не стали предметом двусторонней договоренности авторов с пользователями.

Итак, с одной стороны, объективная трудность адекватно отразить особенности новых информационных и коммуникационных технологий в международном праве и национальном законодательстве. С другой — сложность контроля за киберпространством в связи с его трансграничностью и неопосредованным характером коммуникаций, особенно в режиме «on-line». Отсюда, однако, не следует, что в киберпространстве нет места ни праву, ни государственному регулированию. Напротив, нарастание серьезности вызовов диктует необходимость более активной роли государства.

Государство должно «стоять с палкой», защищая общественные интересы и права человека, в том числе и в Интернет. Рискну спрогнозировать, что уже совсем скоро появятся государственные (или межгосударственные) органы, работающие непосредственно в киберпространстве. Это могут быть специализированные сайты, осуществляющие мониторинг правопорядка коммуникационной среды и следящие за экологией информации, суды, в первую очередь третейские, принимающие по сети иски, заслушивающие стороны и выносящие решения. В киберпространстве можно наладить и исполнение судебных решений, во всяком случае тех, которые связаны с арестом банковского счета, наложением штрафа, возмещением ущерба и т.д. Важно только не допустить, чтобы ссылки на защиту правопорядка использовались для оправдания цензуры.

Авторские общества также должны прийти в киберпространство и научиться работать в нем. Именно здесь уже сейчас находится главный источник авторского вознаграждения создателей произведения мультимедиа. Скромно названные «компиляцией данных», эти произведения, синтезирующие многие виды и жанры искусства, составляют сегодня важный компонент мировой культуры. В своем докладе «Правовой статус произведений мультимедиа», подготовленном по просьбе ЮНЕСКО к 11-й сессии Межправительственного комитета по авторскому праву (июнь 1997 г.), аргентинский правовед, профессор Антонио Милле отмечает: «Если мы хотим, чтобы авторское право справедливо и действительно функционировало в информационном обществе, то срочно необходимые крупные перемены должны коснуться всех произведений, а не только тех, что создаются с использованием новых технологий»⁵.

Действительно, если мы хотим обеспечить законные интересы — справедливое вознаграждение и защиту моральных прав — тех, кто работает в мире интеллектуального творчества и чьи произведения используются в локальных и

глобальных сетях, то мы должны развивать международное и национальное авторское право не изолированно, а в общем контексте формирования правовой базы киберпространства. Только через взаимную интеграцию правовых отраслей может в конце концов сформироваться инфоправо.

Примечания

1. Шершеневич Г.Ф. *Авторское право на литературные произведения*. Казань, 1891, с. 8, 14.
2. См., например: Батурин Ю.М. *Проблемы компьютерного права*. М., Юридическая литература, 1991.
3. Устранение хард-диска из конструкции персонального компьютера является хитрым способом избежать ситуации, когда «кибернавт» копирует интересующее его произведение и пользуется им столько времени, сколько считает нужным. Таким образом, работая с сетевым компьютером, пользователь должен будет значительно больше платить за время доступа. Сомнительно, чтобы это стимулировало распространение знаний и общий интеллектуальный прогресс.
4. Август Фердинанд Мёбиус (1790—1868) — немецкий математик и астроном, заметивший, что лента, которая перекручена и затем склеена в кольцо, имеет лишь одну сторону.
5. Антонио Милле. Правовой статус мультимедийных произведений. — *Бюллетень по авторскому праву*, т. XXXI, № 2, 1997, р. 44.